Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

СТОЛИЦА И ПРОВИНЦИЯ:
ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Материалы Шестой региональной научной конференции

г. Воронеж, 3 февраля 2012 г.

ВОРОНЕЖ
ИСТОКИ
2012

УДК 930.1
ББК 63.3
Г 55

Г 55 **Столица и провинция: история взаимоотношений.** Материалы Шестой региональной научной конференции (г. Воронеж, 3 февраля 2012 г.)/ Под общ. ред. В. Н. Глазьева. – Воронеж: издательство «Истоки», 2012. – 400 с.

ISBN 978-5-88242-911-8

В сборник вошли материалы Шестой региональной научной конференции историков и обществоведов, тематика которой включает проблемы становления и взаимодействия органов центральной и местной власти, государственного управленческого аппарата и провинциальных общественных институтов в мировой и российской истории. В конференции принимали участие ученые из городов Центрального Черноземья: Воронежа, Липецка, Белгорода, Курска, Тамбова, Ельца.

Статьи печатаются в авторской редакции.

Для историков, социологов, политологов, всех интересующихся актуальными проблемами истории и обществознания.

УДК 930.1
ББК 63.3

ISBN 978-5-88242-911-8

РАЗДЕЛ I
Отечественная история с древнейших времен до конца XVIII в.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЗНАТЬ В СТОЛИЦЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ ПРЕБЫВАНИЯ В СТЕПИ ФЁДОРА ЯРОСЛАВСКОГО

Ю.В. Селезнёв
Воронежский государственный университет

По факту военного поражения в 1237-1242 гг. русские княжества оказались в политической зависимости от ордынского хана. Судьбы князей стали решаться в столице Джучиева Улуса г. Сарай. Именно туда, в ставку хана стали обязаны ездить владельцы русских княжеств князья-Рюриковичи. Поездка в Орду какого-либо русского князя обуславливалась необходимостью личной явки ко двору ордынского хана для получения ярлыка на свои княжества. Возникала же обязанность посещения Сарая в случае смены хана (1), владельца княжества или смерти великого князя соответствующего княжества. Кроме того, ордынский хан имел право вызова князя к своему двору.

Судьба ярославского князя Фёдора Ростиславича не менее показательна, нежели жизненные пути других князей. Но обрывочность информации сделала данную фигуру весьма загадочной.

Будучи уроженцем смоленской ветви мономашичей, он, женившись на княжне из рода мономашичей ростовских, становится Ярославским князем. Однако счастливый факт рождения сына делает его безудельным владетелем: согласно свидетельству «Жития Фёдора Ярославского», тёща властно объявляет главой княжества малолетнего внука. Правда, смерть жены открывает путь ко второй женитьбе. Новой женой князя становится ханская дочь. Имен хана и татарского имени его дочери, ставшей женой Фёдора, источники не сохранили.. Смерть сына и статус ханского зятя позволяет Фёдору вновь занять ярославский престол. А после смерти братьев в его власти оказывается ещё и Смоленское княжество. Вышеописанные перипетии жизни Фёдора Ростиславича отразились в его «Житии», проложная редакция которого составлена во второй половине XV века (2), а также летописных известиях. Особое значение для выявления особенностей пребывания князя Федора в Орде приобретает редакция иеромонаха Антония, который привлёк к составлению текста «Жития» уникальные источники, в частности, родословные предания о поездках князя в ставку хана (3). Причем летописцы сохранили свидетельства преимущественно о второй половине жизни и деятельности князя. Житийная повесть, наоборот, доносит до нас подробности первой полвины жизни Фёдора. И если

«2246 млн. руб. – на повышение минимальных размеров пенсий по старости до 70 руб. в месяц и устранения различий в пенсионном обеспечении колхозников, рабочих и служащих; 720 млн. руб. – на выплату в полном размере пенсий по старости работающим пенсионерам и инвалидам; 88 млн. руб. – на повышение до 60 руб. в месяц минимальных размеров пенсий по случаю потери кормильца; 124 млн. руб. – на обеспечение бесплатного проезда на всех видах городского пассажирского транспорта (кроме такси) и на автомобильном транспорте общего пользования в сельской местности участников Великой Отечественной войны и лиц, награжденных орденами и медалями СССР за самоотверженный труд и безупречную воинскую службу в тылу в годы Великой Отечественной войны»(16).

Таким образом, переход на рыночные отношения, как в целом в СССР, так и в отдельных его регионах, сопровождался нарастанием значительных экономических и социальных трудностей. Деятельность партийно-государственного аппарата была направлена на смягчение обострившихся социальных потрясений. Возраставшая финансовая помощь населению носила преимущественно адресный характер и должна была поддержать самые незащищенные слои населения. Однако высокие темпы инфляции, с одной стороны, и опустевшие прилавки магазинов, с другой стороны, быстро превращали перестроечной время для основной части населения страны в сложный и непредсказуемый период.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области /далее ГАОПИ ВО/.- Ф.3.- Оп.89.- Д.1.- Л.1.
2. Там же.- Ф.3.- Оп.92.- Д.62.- ЛЛ.20-21.
3. Там же.- Л.21.
4. Там же.- Оп.89.- Д.1.- ЛЛ.31-32.
5. Там же.- ЛЛ.67-68.
6. Государственный архив Липецкой области /далее ГАЛО/.- Ф.Р-596.- Оп.1.- Д.715.- Л.1.
7. Там же, Л.2.
8. Там же.- ЛЛ.2-3.
9. Там же.
10. Там же.- ЛЛ.5-6.
11. Там же.- Л.7.
12. Там же.- Л.17.
13. Там же.- ЛЛ.18-20.
14. Там же.- ЛЛ.24-25.
15. Там же.- ЛЛ.78-80.
16. Там же.- ЛЛ.80-81.

НОВОЕ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РАННЕЙ ИСТОРИИ ИНДОАРИЕВ

А.А. Семененко
Воронежский государственный университет

Д.и.н., проф., зав. кафедрой истории Южной Азии ИСАА МГУ, автор университетских учебников по истории, историографии и источниковедению Древней Индии, сторонник проникновения индоариев в Индию в сер. II тыс. до н.э., отождествлявший ригведийских ариев с создателями археологической культуры серой расписной керамики XII—XI вв. до н.э. в Северо–Восточном Пенджабе (1), А.А. Вигасин указывает: «точка зрения М. Уилера о том, что именно арии виновны в гибели Хараппы, считается устаревшей... Антропология не в состоянии обнаружить резкой смены населения в Северной Индии во II тыс. до н.э. Ведийская культура, по всей видимости, не была принесена извне — она складывалась на территории самой Индии. Вполне вероятно, для значительной части её носителей было характерно двуязычие (наряду с ведийским был языковой субстрат — возможно, дравидийский)» (2).

Но даже лидер американских инвазионистов/иммиграционистов М. Витцель признаёт, что раннее дравидийское влияние в Пенджабе может быть исключено и должно объясняться для следующих среднего и позднего ригведийских периодов миграцией носителей дравидийских диалектов из Синда (области нижнего течения Инда) (3). Есть ещё и версии о том, что задолго до составления Ригведы (далее РВ) предки двух народов уже были единым целым (4). Согласно генетическим исследованиям, протоарии и протодравиды обитали в Индии ещё 10—18 тыс. лет тому назад (5). Антропология отрицает проникновение нового населения в Северо-Западную Индию между 4500 и 800 гг. до н.э. (6) Американские археологи, десятилетиями производящие раскопки в данном регионе, опровергают инвазионистские/иммиграционистские сценарии и говорят об автохтонном развитии местных культур с 7000 по 600 гг. до н.э. (7) Присутствие в РВ заимствований из протомунда и протодравидийских языков оспаривается авторитетными западными лингвистами–инвазионистами/иммиграционистами (8).

А.А. Вигасин отмечает, что «порою из того факта, что в ведах нет упоминаний ничего похожего на города типа Мохенджо–Даро, делается вывод, будто создание вед предшествовало хараппской культуре», и призывает вернуться «в сферу науки» (9).

Однако буквально на предыдущей странице А.А. Вигасин указывает, что «из крупных поселений [Индско–Сарасватской культуры. — Прим. моё.] особый интерес вызывает Калибанган [на берегу эфемерной реки

Сарсути–Гхаггар–Хакра–Нары или ригведийской Сарасвати. — Прим. моё.] — город с цитаделью (как Хараппа и Мохенджо–Даро), где найдены также и памятники письменности. Новые материалы из раскопок на территории Индийской республики (в частности, обнаруженные в Калибангане алтари огня) заставляют снова и снова ставить вопрос о соотношении Индской цивилизации и той культуры, которая отражена в ведах» (10).

Английские супруги–археологи Ф.Р. и Б. Олчины ещё 30 лет тому назад сделали следующие наблюдения и выводы: «В Калибангане... в южном квадрате холма цитадели находился ряд кирпичных платформ, возведённых на значительную высоту и увенчанных «огненными алтарями», колодцем и местами для омовения, и выстроенными в линию кирпичными ямами с пеплом и костями животных. Этот комплекс должен представлять городской (civic) ритуальный центр, в котором практиковались жертвоприношения животных, ритуальные омовения и какая-то разновидность ритуала огня... В домах нижнего города, помимо обычных домашних очагов и печей, одна комната отводилась для аналогичного огненного алтаря, черта, очень сильно напоминающая «огненную комнату» (…) поздневедической и более поздней индийской традиции. Это, следовательно, можно истолковать как домашний ритуал огня или жертвоприношение... В небольшом, окружённом кирпичной стеной внутреннем дворе за пределами нижнего города к востоку... было обнаружено несколько огненных алтарей наряду с ямами с пеплом, но никаких других построек. Это можно интерпретировать как ещё один ритуальный центр, относящийся к нижнему городу... Очень проблематичный набор данных представляют собой находки из Калибангана, где имеются свидетельства отчётливых ритуальных очагов с начала периода Зрелой Хараппы. Культ огня считается отличительной особенностью индоариев, так не являются ли они указанием на индоарийское присутствие даже в столь раннюю эпоху?... [В] Калибангане... даты между 2500 и 2490 гг. до н.э. знаменуют начало периода Зрелой Хараппы, а две даты около 2110—2040 гг. до н.э. указывают на его завершение» (11). «В Калибангане любопытные ритуальные очаги... указывают на практику, являющуюся прототипом индоарийских огненных жертвоприношений, и соблазнительно рассматривать это как указание на присутствие носителей индоарийского языка уже во время хараппской урбанистической фазы [т.е. в 2500—1900 гг. до н.э. — Прим. моё.]» (12).

Один из крупнейших в мире специалистов по археологии Синдху–Сарасватской цивилизации американец Г. Поссел согласен с Ф. Олчином в том, что индоевропейцы присутствовали в бассейне Большого Инда во время существования Индской цивилизации (13). Другой мировой авторитет в этой области американец Д.М. Кенойер не исключает того, что «некоторые сообщества, упоминаемые в Ведах, проходили через или жили в районах, контролируемых Хараппой, на протяжении и Хараппской (Период 3С 2250—1900 гг. до н.э.), и Поздней Хараппской (1900—1700 или 1300 гг. до н.э.) эпох» (14).

Но материал Калибангана сопоставлялся Олчинами с постригведийскими Брахманами, а не с РВ, в которой кирпичи и кирпичные алтари не упоминаются — ригведийские алтари были выстланными травой углублениями в земле (15). Это указывает (вкупе с неупоминанием в ригведийских гимнах огромных городов из того же кирпича, письменности, печатей и оттисков, риса, статуй и статуэток, железа, серебра, стекла и хлопка) на то, что «создание вед предшествовало хараппской культуре» (А.А. Вигасин), если подразумевать под ведами Самхиту РВ.

Знаменитый английский археолог К. Ренфрю разработал т.н. Гипотезу А о проникновении носителей индоевропейских диалектов вместе с земледельческой культурой из Анатолии в VI тыс. до н.э., где они возникли около 6500 г. до н.э. (16) Но земледелие и скотоводство существовали в Мергархе в Балучистане к западу от Инда ещё с 7000 г. до н.э., что опровергает гипотезу К. Ренфрю; связываемая с сатем–говорящими индоевропейцами гаплогруппа R1a1 присутствовала в Индии ещё 10—18 тыс. лет тому назад (17).

К. Ренфрю пишет: «Олчины недавно рассмотрели вопрос о «преведийских» миграциях на равнины Индии и Пакистана, указывая на характерные очаги памятника Калибанган, которые можно интерпретировать как ритуальные очаги: «Подобные «ритуальные очаги» засвидетельствованы с начала самого хараппского периода. Предполагается, что они могли быть огненными алтарями, свидетельствами домашнего, общественного и государственного культов огня индоиранцев, детально описываемых в более поздней ведической литературе. Это, следовательно, может быть указанием на культурный контакт между ранней группой индоариев и населением всё ещё процветающей Индской цивилизации». Олчины говорят не о том, что сама по себе Индская цивилизация должна рассматриваться как принадлежащая носителям индоевропейского языка, но просто о том, что уже можно распознать элементы внутри неё, которые позднее стали характеристиками индоарийской культуры, описанной в Ригведе. Их аргументы в пользу индоарийских черт в хараппский период, несомненно, можно считать подтверждающими Гипотезу А». (18)

Трудно понять, где в РВ К. Ренфрю находит описания кирпичных огненных алтарей, которые впервые вместе с самими кирпичами описываются лишь в Брахманах (да и в приводимой им цитате Олчинов речь идёт о «более поздней ведической литературе»), но его согласие с их мнением о присутствии индоариев ещё в период расцвета Синдху–Сарасватской цивилизации очевидно. Это видно и из следующего его высказывания: «Баланс доказательств... склоняется в пользу присутствия индоевропейского-ворящего населения в период Хараппской цивилизации, а не исключительно позже» (19).

Т.о. подтверждается дохараппская датировка РВ рядом европейских индологов, совпадающая с датировкой памятника туземными комментаторами примерно 3100 г. до н.э. (20)

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Вигасин А.А. Южная Азия до середины I тысячелетия до н.э. // Источниковедение истории Древнего Востока / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1984. С. 276, 278 и 281.
2. Вигасин А.А. Древняя Индия // Историография истории древнего Востока: В 2 т. Т. 2 / В.И. Кузищин, А.А. Вигасин, М.А. Дандамаев и др. М., 2009. С. 245.
3. Witzel M. Substrate Languages in Old Indo–Aryan (Rigvedic, Middle and Late Vedic) // Electronic Journal of Vedic Studies. 5–1. 1999. P. 20; см. также P. 23 and 32.
4. Hock H.H. Pre–Rigvedic convergence between Indo-Aryan (Sanskrit) and Dravidian? A survey of the issues and controversies // Ideology and status of Sanskrit: contributions to the history of the Sanskrit language / Ed. by J.E.M.Houben. Leiden; NY; Koeln, 1996. P. 22—23, 54—55 and P. 57—58; Шри Ауробиндо. Собрание сочинений. Т. 2. Тайна Веды / Пер. с англ. СПб., 2004. С. 515—516 и 519—522; Misra S.S. The date of the Rigveda and the Aryan migration: fresh linguistic evidence // The Indo-Aryan controversy: evidence and inference in Indian history / Ed. by E.F.Bryant and L.L.Patton. L., 2005 (далее IAC). P. 191—198.
5. Sengupta S. et al. Polarity and Temporality of High-Resolution Y-Chromosome Distributions in India Identify Both Indigenous and Exogenous Expansions and Reveal Minor Genetic Influence of Central Asian Pastoralists // The American Journal of Human Genetics. Vol. 78. February 2006. P. 202—221; Mirabal Sh. et al. Y–Chromosome distribution within the geo-linguistic landscape of northwestern Russia // European Journal of Human Genetics. 2009. 17. P. 1264 and 1270.
6. Kennedy K.A.R. Have Aryans been identified in the prehistoric skeletal record from South Asia? Biological anthropology and concepts of ancient races // The Indo-Aryans of Ancient South Asia: language, material culture and ethnicity. Berlin–NY, 1995 (далее IASAA). P. 32—66.
7. Shaffer J.G. and Lichtenstein D.A. The concept of "cultural tradition" and "palaeoethnicity" in South Asian archaeology // IASAA. P. 126; Possehl G.L. Indus civilization: a contemporary perspective. Walnut Creek, 2002. P. 249; Shaffer J.G. and Lichtenstein D.A. South Asian archaeology and the myth of Indo-Aryan invasions // IAC. P. 82—85, 89, 92 and 97. Note 8; Kenoyer J.M. Culture change during the Late Harappan period at Harappa: new insights on Vedic Aryan issues // IAC. P. 23—26 and 30—32.
8. Майрхофер М. О принципах составления древнеиндоарийского этимологического словаря // Вопросы языкознания. 1989. 2. Март—Апрель. С. 11—12; Hock H.H. Pre–Rigvedic convergence. P. 28—29 and P. 38—40.
9. Вигасин А.А. Древняя Индия. С. 245.
10. Там же. С. 244.
11. Allchin B. and R. The rise of civilization in India and Pakistan. Cambridge, 1982. P. 216 and 218.
12. Allchin F.R. Language, culture and the concept of ethnicity // Allchin F.R., Erdosy G. et al. The archaeology of early historic South Asia. Cambridge, 1995. P. 48.
13. Possehl G.L. Indus civilization. P. 249.
14. Kenoyer J.M. Culture change. P. 46.
15. Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Ведийский «вещный» космос («Слова и вещи»: язык как источник реконструкции мира вещей) // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 3: Индийские и иранские языки. Кн. 1. М., 2009. С. 32, 35 и 73, Прим. 20.
16. Renfrew C. Archaeology and language: the puzzle of Indo–European origins. Cambridge, 1999. P. 196 and 205—206.
17. Possehl G.L. Thoughts on the Evolution and History of Human Populations in South Asia // The Evolution and History of Human Populations in South Asia. Inter–disciplinary Studies in Anthropology, Linguistics and Genetics / Ed. by M.D.Petraglia, B.Allchin. Dordrecht, 2007. P. 455—456.

18. Renfrew C. Archaeology and language. P. 191.
19. Ibidem. P. 209.
20. Jacobi H. On the date of the Rig Veda // The Indian Antiquary. Vol. XXIII. June. Bombay, 1894 (далее IA). P. 157—158; Buehler G. Note on professor Jacobi's Age of the Veda and on professor Tilak's Orion // IA. Vol. XXIII. Sept. 1894. P. 245; Dikshit S.B. The age of the Satapatha Brahmana // IA. Vol. XXIV. Aug. 1895. P. 245—246; Щербатский Ф. Теория поэзии в Индии // Журнал министерства народного просвещения. Ч. 341. Май 1902. С. 300 и 328 и Прим. 1; Введенский А.И. Религиозное сознание язычества. Опыт философской истории естественных религий. Т. I. Основные вопросы философской истории естественных религий. Религии Индии. М., 1902. С. 737—738; Кудрявский Д. Исследования в области древнеиндийских домашних обрядов. Юрьев, 1904. С. 41; Raghavan S.K. The date of the Maha Bharata war and the Kali Yugadhi. Determination of the date of the astronomical Kali Yuga era. Srinivasanagar, 1969; Kazanas N. Rigveda is pre-Harappan // http: // www.omilosmeleton.gr; Klostermaier K.K. A Survey of Hinduism. 3d ed. Albany, 2007. P. 55; Narahari Achar B.N. Date of the Mahabharata War based on Simulations using Planetarium Software // http://www.omilosmeleton.gr.

МОРСКАЯ ДЕРЖАВА КРИТА И ТАЛАССОКРАТИЯ АХЕЙЦЕВ

Н.П. Писаревский
Воронежский государственный университет

Стремительное нарастание археологических фактов, свидетельствующих о широких и довольно протяжённых связях Крита СМ периода с народами от Восточного Средиземноморья на Востоке до Пиренейского полуостров на западе, от Днестро-Дунайского междуречья на севере до Египта на юге, уже в начале 80-х гг. прошлого века поставили вопрос необходимости более тщательного изучения проблемы талассократии Крита в Средиземном море, само существование которой и историчность сохранившихся о ней данных в античной традиции свидетельств, ни у кого из учёных предшествующего периода не вызывало сомнений (Dow S. 1968).

Это и нашло отражение в теории, согласно которой в середине II тыс. до н.э. греки и другие народы, населявшие Эгейский регион, были объединены в составе Критской морской державы, которая представляла собой основание культурного единства региона и первый шаг на пути формирования классической греческой цивилизации вообще. Его значение определялось, с одной стороны, тем, что минойская талассократия впервые в истории продемонстрировала попытку построения морской империи с опорой на флот, в которой во главу угла была поставлена морская политика, а с другой – тем, что порождённая ею морская держава представляла собой, своего рода, предтечу I Афинского морского союза.

Иными словами, считалось, что свидетельства античных авторов о ней вполне соответствуют историческим реалиям, отражавшим процесс складывания критской государственности в период 1700-1450 гг. до н.э., и более того находят поддержку в данных археологии и эпиграфических источниках, свидетельствующих о контроле его дворцовых владык как над